

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА

© 2004 М.Ю. Казак

Белгородский государственный университет

Интегративный подход к описанию закономерностей, управляющих процессом образования новых лексических единиц, через языковую вертикаль (от уровня общекатегориального значения к лексической конкретике) имеет свои глубинные основания.

Появление в языке производного слова связано с его включением в иерархию категорий, в которой высший ярус занимает общекатегориальное значение [5; 8; 12; 24]. По отношению к частеречной категоризации все остальные включения слова — грамматические, деривационные, лексические — носят подчиненный, субкатегориальный характер.

Действие словообразовательного механизма, объективируемое в словообразовательном гнезде, зиждется на оппозиции корня и словообразовательных формантов и определяется балансом языковых форм и значений. Обладая устойчивостью и стабильностью, словообразовательное гнездо вместе с тем выступает открытой системой, способной к развитию, что ставит данное языковое образование в ряд самонастраивающихся систем.

В лингвистической литературе словообразовательное гнездо получает определение на основании нескольких критериев: общности корня, живых синхронных связей, упорядоченности и иерархии отношений в соответствии с направлением производности. Опираясь на существующие в современной лингвистике теории словообразовательного гнезда [5; 7; 17; 18; 20; 22], мы исходим в понимании нашего объекта из следующих постулатов: словообразовательное гнездо — это одна из самых сложных комплексных единиц словообразовательной подсистемы; одна из высших форм организации и обобщения производной лексики; классификационная единица, наиболее приближающаяся к естественным классификациям; микросистема, концентрированно отражающая все основные виды языковых отношений; двусторонняя единица слово-

образования, имеющая формальную и смысловую структуру.

Словообразовательное гнездо характеризуется стабильностью, устойчивостью, с одной стороны, и способностью к динамике, развитию, расширению, с другой стороны, что позволяет поставить гнездо в ряд открытых структур.

В настоящем исследовании гнездо вводится в круг парадигмальных образований, в отличие от традиционного понимания словообразовательной парадигмы как совокупности однокоренных слов от одного производящего [7; 18; 19]. Словообразовательное гнездо рассматривается как парадигма, в полном объеме его конструктивных составляющих, включая исходные слова, на том основании, что на общекатегориальном уровне абстракции оно демонстрирует свойства языковой парадигмы, с удивительным постоянством производя основные части речи. В гнезде происходит регуляция, взаимоиндуктирование классов слов. Появление в языке нового слова — любым способом (в том числе и путем заимствования) — неизбежно вызывает образование слов других частей речи (*спонсор* > *спонсорский*, *спонсировать*). Мы исходим из того, что именно парадигма регулирует “блокировку” и “поощрение”, замораживание процесса и его ветвление. Релевантным здесь выступает постулат тождества и различия в виде стабильной общности корня и дифференциальных словообразовательных формантов.

Таким образом, словообразовательное гнездо — это гиперпарадигма, организованная своими подпарадигмами: собственно *словообразовательной парадигмой* (устоявшийся термин), демонстрирующей образование кодериватов на базе одной и той же мотивирующей основы (*веселый* > *веселенький*, *веселье*, *весельчак*, *веселинка*, *веселеть*, *веселить*, *навеселе*), и *словообразовательной цепью*, отражающей отношения последовательной производности (*веселый* > *веселеть* > *повеселеть* > *повеселелый*). Парадигма в такой

интерпретации понимается шире, нежели при традиционном подходе.

Внутренняя неоднородность словообразования, формирующего разные участки системности в пространстве языка, вынуждает исследователей искать системные опоры в грамматике. Выход к проблемам словообразования через общекатегориальный уровень имеет глубинные основания, поскольку морфология “приспосабливает” к своим требованиям и возможностям общие закономерности и способы образования новых слов; механизм словообразовательной системы подчинен частеречной схеме конкретного языка. Профессор университета Эмори (США) пишет о том, что «грамматика охватывает высшие, “богооткровенные” законы мышления, которые, как “заповеди”, предписаны языку в виде аксиоматических правил и обычно не подлежат обсуждению. Грамматика — это не то, *что* мы думаем, а *чем* мы думаем, когда говорим, или даже *то, что думает нами*; это бессознательное нашего мышления» [23, 89]. Грамматические формы и правила выстраиваются в нашем сознании на уровне автоматизма и кодируют семантику, организуя ее в соответствии с законами конкретного языка.

В свою очередь, словообразовательные процессы “расподобляют” категориальные значения, разводя их по грамматическим и семантическим подгруппам, образуя “характеризованные разряды”. Более того, результаты транспозиционных процессов формируют в границах различных классов слов периферийные и переходные области.

Интегративный подход к исследованию словообразовательного гнезда исходит из органической, естественной связи двух языковых уровней — грамматики и словообразования. Возможность описания устройства гнезда на общекатегориальном уровне зиждется на следующих положениях:

- любое производное слово образуется в языке как представитель определенной части речи и в качестве таковой вступает в парадигматические и синтагматические связи с другими словами. Категоризация производной единицы отражает ее включение в иерархию категорий, в которой высшее место занимает общекатегориальный уровень [8; 12];
- в системе словообразовательных типов существуют инвариантные типы и аффиксы, значение которых формулируется только лишь на общекатегориальном уровне [20];
- результаты транспозиции могут быть представлены лишь на частеречном уровне [5];
- словообразовательное значение варьируется на языковой вертикали — от морфолого-сло-

вообразовательного до лексико-словообразовательного значения [24].

Проблема соотношения словообразования и частей речи связана с целым комплексом вопросов, касающихся критериальных признаков, понятийных оснований частей речи, определения границ тех или иных классов слов.

Влияние словообразования на формирование частей речи связано не только с опознавательной, формальной стороной слова или количественным пополнением классов знаменательных слов. Данную проблему необходимо интерпретировать в более широком контексте, в свете семантических и функциональных характеристик производного слова, с учетом его статуса “мотивированного знака, отсылающего к другому знаку” [13, 189].

Словообразование по определению количественно расширяет границы частей речи. Вместе с тем, являясь механизмом образования вторичных номинативных единиц, словообразование качественно преобразует состав тех или иных частей речи, поскольку вторичные значения могут идти “вразрез с основными (первичными) значениями” [10, 52]. Лексические единицы, транспонированные в другие части речи, формируют “периферийные классы синкретического характера” [4, 106], имеют неполный набор дифференциальных признаков [1] или “непропорционально скрещенное грамматическое значение”, с остаточным “фоном” исходной части речи [9, 13].

Поиски современной лингвистики направлены на выявление дополнительных оснований, позволяющих примирить неконгруэнтность формы и содержания, семантических, грамматических и функциональных признаков традиционной классификации частей речи. Одна из таких линий ведет к идее существования определенного ядра лексикона, которое рассматривается с многих ракурсов — с точки зрения членения лексикона и отражения языковой картины мира, в психолингвистических исследованиях, в лексикографической обработке словарного материала. В разных подходах высвечивается роль единиц первичного означивания (“семантических примитивов”) как базисного словаря языка [21], роль примарной лексики как фундамента, “на основе которого строится все здание лексикона” [12, 134].

Ядерную часть каждого из классов образуют слова, в которых сумма критериев — категориальных, референтных, функциональных — находится в гармонии, не противоречит друг другу. Носителем полного набора признаков обычно выступают непроеизводные единицы в первичной номинативной [11] и первичной синтаксической функции [15]. Вторичные значения фор-

мируются “по образу и подобию” существующих в языке частей речи [11, 21], сохраняя, однако, в своей семантике связь с мотивирующей базой. Значимость деривационного фактора выступает еще ярче в свете цифр, характеризующих соотношение первичных и вторичных единиц в лексиконе. По разным источникам, производные слова варьируют в составе русского языка от 80 % до 95 %. По данным “Словообразовательного словаря русского языка” А. Н. Тихонова, дериваты занимают более 88 % (в этом показателе нами учитывались как непроеизводные производящие единицы, так и слова-одиночки) [19, II, 440].

Дифференциация частей речи на примарные, непроеизводные и вторичные, производные осуществляется в классификационной сетке словообразовательных гнезд. Наложение на частеречную иерархию словообразовательного критерия дает матрицу словообразовательных гнезд, и, напротив, при наложении гнезд на систему частей речи происходит распределение знаменательных классов по принципу первичности/вторичности. Совмещение двух языковых матриц организует знаменательные части речи в два иерархических круга: предметных и признаковых слов, а в пределах каждого из классов — разделение слов на первичные/вторичные.

Следует отметить, что распределение лексикона по принципу первичности/вторичности не полностью совпадает с понятием ядра и периферии того или иного класса слов. Так, и в составе примарных существительных выделяются конкретно-идентифицирующие и абстрактные имена, а в кругу непроеизводных глаголов формируются семантические поля не только действия, но состояния и отношения. Ядро наречий образуют производные единицы, и только лишь сфера непроеизводных прилагательных представляет собой относительно ровное поле качественных адъективов. С другой стороны, результаты словообразовательных взаимодействий не обязательно дисгармонируют с категориальными характеристиками частей речи.

Однако в целом применение к системе знаменательных классов принципа гнездовой организации и соответственно дифференциации на непроеизводные/производные знаки следует признать весьма перспективным, поскольку это позволяет квалифицировать нетипичные для частей речи явления (в сфере производной лексики) как особый “способ представления той или иной концептуальной структуры” [13, 192].

Интегративный подход дает возможность формализовать необозримое множество словообразовательных гнезд в виде частеречных структур, моделей и зон. Первичная работа построена

на развертывании гнезда в словообразовательные цепи с конкретным лексическим наполнением и последующей их идентификацией, т. е. обобщением в частеречные модели. Модели представлены в символической записи, например, $СГ_1П_2Н_3$, где буквой русского алфавита обозначена часть речи: С — существительное, Г — глагол, П — прилагательное, Н — наречие, а цифра внизу справа указывает на ступень словообразования: 1 — первая ступень и т. д. до 7-й ступени (максимальная глубина русского слова).

Частеречные модели различной протяженности объединяются в частеречно-деривационные зоны. Под частеречной зоной мы понимаем совокупность цепей различной протяженности (от 1-й до 7-й), которая организуется по категориальной принадлежности производного первой ступени. Выделение зон необходимо как в общей концепции, так и непосредственно в практике исследования потому, что именно на материале таких зон производные первой ступени демонстрируют не только собственный потенциал, но и порождающую силу уже своих производных II–VI ступеней.

Используемый в работе алгоритм анализа — представление словообразовательного гнезда на горизонтальной оси, в конечном списке конкретных цепей и их идеальных конструкторов: моделей и зон — позволяет сделать некоторые выводы в отношении продуцирующих возможностей класса существительных.

Поскольку любое гнездо четко структурируется по принципу первичности/вторичности, описание устройства гнезда начинается с характеристики исходных слов. Выход к вершинам субстантивных гнезд позволяет сформулировать гипотезу: наиболее объемные словообразовательные гнезда должны возглавляться языковыми единицами, составляющими базисную лексику, “золотой фонд” словарного состава, т. е. частотными, прагматически значимыми, многозначными, стилистически нейтральными, исконно русскими по происхождению словами. Ядро существительных образуют единицы конкретно-предметной семантики, отражающие в полном объеме дифференциальные признаки класса [1; 4; 9; 11; 13].

Однако в сфере вершин объемных субстантивных гнезд исходные существительные анализируемых гнезд составляют достаточно неоднородную картину, которую нельзя полностью соотносить с частеречным ядром существительных. Образуется как бы двухъядерная модель класса существительных, частично совпадающая по принципу взаимопересекающихся кругов. Вместе с тем почти равное распределение исходных имен на конкретные и абстрактные (52 % и 48 %)

находит подтверждение на более частном, словообразовательном, уровне, поскольку деривационно релевантными для существительных являются их семиологические и логико-функциональные характеристики, делящие класс имен на идентифицирующие и предикатные слова.

Частеречная наполняемость субстантивных гнезд отражает следующие тенденции: приоритеты существительного в гнездах в целом (49,2 %) и на каждой из ступеней, работу исходного слова прежде всего на свою часть речи, большую типичность для субстантивных гнезд существительных и прилагательных, динамику в распределении классов по ступеням, связанную с ростом удельного веса глагола и уменьшением этих же показателей прилагательного, активность I–II ступеней (36,7 % и 35,9 % соответственно), практически исчерпанность продуцирующего процесса пятью ступенями (99,9 %).

В словообразовательных гнездах существительных образуется четыре зоны – субстантивная (Sub-зона), адъективная (Adj-зона), вербальная (Verb-зона), адвербиальная (Adv-зона), роль и значимость которых в формировании субстантивных гнезд принципиально различаются. Главный фактор, от которого зависит объем субстантивного гнезда, – это наличие в гнезде переходного глагола, способного иметь широкую префиксальную парадигму и продуцировать на последующих шагах глаголы, существительные и прилагательные.

Отсубстантивное словообразование проводит четко осознаваемую границу между непроемчивой и приемчивой мотивирующей базой. В отношениях непроемчивого существительного и дериватов I ступени, составляющих полную частеречную парадигму, осуществляется максимальная концентрация словообразовательных значений, средств и способов (*коса* > *косенка*, *косовище*, *косьё*, *косырь*, *окосье*, *косный*, *косить*; *голова* > *головка*, *голови́нка*, *голови́шка*, *голови́ща*, *голови́н*, *головач*, *голови́зна*, *гла́вка*, *глава́рь*, *главенство*, *наголовник*, *оголовье*, *поголовный*, *безглавый*, *обезглавить*, *обезглавить*). Поэтому первая ступень в субстантивных гнездах выступает этапом (звеном) наиболее насыщенной реализации деривационных ресурсов, характеризующих существительное как словообразовательную подсистему.

Отсубстантивные производные I степени включаются в словопорождающие процессы, организуя свои ветвления на следующем шаге. II ступень демонстрирует способность трех производных классов — существительных, прилагательных и глаголов — выступать базой для дериватов второго поколения (*головка* > *головочка*, *головчатый*; *поголовный* > *поголовщина*, *поголовно*; *косить* > *докосить*, *закосить*, *обкосить*, *ко-*

*совица, косец, косарь, косилка, косильный, коше-
ный*). Производность знака, по определению,
связана с ограничением его продуцирующих по-
тенций. Поэтому каждая из линий — адъектив-
ная и глагольная — демонстрирует выбывание из
словообразовательного диапазона определенных
значений и типов. Отсубстантивные прилагатель-
ные и глаголы не могут в полной мере освоить
деривационное пространство, характеризующее
словообразовательные подсистемы класса при-
лагательных и класса глаголов.

Начиная с III ступени действие словообразовательного механизма приобретает унифицированный, стандартизованный характер в отношении всех деривационных ветвлений. На высоких ступенях нейтрализуются различия между производными различных структур, и, выступая в роли производящих единиц, вторичные знаки действуют в предсказуемом режиме.

Таким образом, в ракурсе словообразовательного гнезда действие словообразовательного механизма приобретает *шкальный характер*, проявляющийся в количественной и качественной “привязке” деривационных ресурсов к определенным ступеням – I-й, II-й, III-й и всем последующим.

Внутрисубстантивное словообразование демонстрирует зависимость продуцирующих способностей от типа и характера словообразовательного значения. Своеобразным “тормозом” для участия в последующих словообразовательных актах выступают модификационные значения (субъективная оценка, женскость, невзрослость, собирательность, стилистическая модификация и др.). Существительные модификационных значений пассивны, диапазон их действия может проявляться лишь в отдельных образованиях — существительных с вторичным суффиксом ласкательности (*листочек, шерстинка*), прилагательных (*цепочечный, шариковый*) и наречиях (*хвостиком, крестиком*).

Активное вовлекаются в словообразовательные процессы существительные мутационных значений – наименования конкретных предметов и лиц. Они выступают базой прежде всего для существительных и прилагательных. Названия лиц могут организовать полную частеречную парадигму, включая глагол (*рыба* > *рыбак* > *рыбачка*, *рыбачество*, *рыбаков*, *рыбачий*, *рыбачкий*, *рыбачить*). Однако подобные отношения не имеют регулярного характера, поскольку в образовании глаголов участвуют непродуктивные словообразовательные типы названий лиц [2, 85]. Движение же по цепи связано с ростом продуктивных образований, на высоких ступенях заполняющих словообразовательное пространство гнезда.

Образование существительных от существительных в цепочечной деривации регулируется общей закономерной направленностью к модификационным значениям. Диапазон модификационных значений соотносится с порядковым номером конечной ступени. Если на I ступени реестр словообразовательных типов представлен широко (*зубчик, головушка, рыбешка, голосина, ручища, сердяга, дурень*), то в протяженных цепях на завершающих звеньях обязательным выступают значения субъективной оценки и женскости (*масло > маслина > маслинка; символ > символизм > символист > символика; стекло > стекларус > стекларусник > стекларусница*). Максимальная словообразовательная цепь, манифестирующая внутрисубстантивное словообразование на четырех ступенях (*рука > рукоять > рукоятка > рукоятчик > рукоятчица*), — это единственная в нашем материале цепь с аффиксальными производными.

Примечательно, что типичность данных отношений подтверждается динамикой отглагольного и отаффиксированного существительного во внутрисубстантивном словообразовании. Например, $СГ_1C_2C_3C_3$: *соль > солить > рассол > рассольник > рассольничек*; $СГ_1Г_2Г_3C_4C_3$: *голос > гласить > возгласить > провозгласить > провозгласитель > провозгласительница*; $СП_1C_2C_3C_3$: *форма > формальный > формализм > формалист > формалистка*; $СП_1C_2C_3$: *винт > винтовой > винтовка > винтовочка*.

Осложнение существительного в межкатегорияльном словообразовании оставляет за производным знаком потенциальную способность к образованию существительных (примеры см. выше) и прилагательных ($СГ_1Г_2C_3P_4$: *лицо > лицевать > облицевать > облицовка > облицовочный*; $СП_1P_2C_3P_4$: *нация > национальный > интернациональный > интернационализм > интернационалистический*). И напротив, существительное сложной деривационной структуры крайне редко является источником для глаголов и наречий.

Таким образом, движение семантики исходного существительного в цепочечном словообразовании осуществляется по направлению к модификационным значениям во внутрикатегорияльном словообразовании (субъективная оценка, женскость) и к мутационным значениям в межкатегорияльном словообразовании, представленным относительными прилагательными (*рукавичный, крестцовый, авиаторский*) и глаголами со значением “совершать действия, свойственные лицу” (*политиканить, подголосничать, главенствовать*).

Далее, “модельная” оценка словообразовательных потенциалов отсубстантивного прилагательного

свидетельствует, что аффиксы первой ступени выступают базой для всех основных частей речи. Одним из самых общих и обязательных условий для словообразовательных реализаций является принадлежность прилагательного к качественной категории. Если качественные прилагательные характеризуются достаточно высокими словообразовательными возможностями (*умный > умненький, умнехонький, умник, умность, умничать, умнеть, умно, по-умному*), то относительные прилагательные в основном образуют существительные и наречия (*жир > жировой > жировик; политика > политический > политически*).

Внутриаффиксное словообразование осуществляется в рамках модификационных значений (исключая словообразовательный тип с суффиксом *-ист-*: *землянистый, маслянистый*). Суффиксальное образование прилагательных от прилагательных ограничивается одним шагом (*кругловатый, умнейший, светленький, умнехонький*), на втором шаге представлена лишь префиксация. Ср. цепь максимальной протяженности: *сила > сильный > сильнейший > наисильнейший, зло > злой > злющий > презлющий*.

Расширение качественного прилагательного, направленное к модификационным значениям, фиксируется также в словообразовательных цепях иного состава: *соль > солить > соленый > соленький, соловый > соловатый; клей > клеить > клейкий > клейковатый, зло > злой > злоба > злобный > злобенький*. Однако варьирование прилагательного во внутрикатегорияльном словообразовании на высоких ступенях достаточно редкое явление, объясняющееся тем, что, во-первых, качественные прилагательные образуются редко, и, во-вторых, отглагольные и отсубстантивные качественные прилагательные ограничены в подобном варьировании.

Активность отсубстантивного прилагательного проявляется в образовании существительных, поскольку источником транспозиции в предметную семантику являются как качественные, так и относительные прилагательные (*кровь > кровный > кровник, кровность, кровавый > кровавик*). Реализация существительных мутационных и транспозиционных значений зависит от ступени словопроизводства и, соответственно, от структуры мотивирующего прилагательного. Продвижение словообразовательных отношений по цепи, отражающих появление прилагательного как результата внутри- и межкатегорияльных процессов, вызывает перераспределение в составе образующихся существительных, последние в основном представлены именами отвлеченного признака с суффиксом *-ость* (*маслянистость, солонцеватость*).

Прилагательное является основным источником формирования и пополнения класса наречий, ядро которых составляют отадективные качественные наречия. Конкретная представленность типов наречий на завершающих звеньях подчиняется общему “гнездовому” закону: на невысоких ступенях состав наречий организован широким диапазоном значений и словообразовательных типов (*политически, по-домашнему, подобру, дотемна, вручную, накругло*), на высоких — преимущественно наречиями на -о (*умнехонько, сподручно, одушевленно, поверхностно*).

Отмеченная плодотворность отсубстантивного прилагательного в отношении существительных и наречий сохраняется как потенциальная возможность у прилагательного осложненной структуры. Ср. $СП_1P_2C_3C_4P_5H_6$: *нация > национальный > интернациональный > интернационализм > интернационалист > интернационалистический > интернационалистически*; $СГ_1P_2C_3P_4C_5$: *соль > солить > соловый > солонец > солонцеватый > солонцеватость*.

Образование отадективных глаголов детерминировано принадлежностью мотивирующих прилагательных к разряду качественных. Отсубстантивные качественные прилагательные на первом шаге (частеречная модель $СП_1G_2$) достаточно активно транспонируются в глагольную семантику (“наделять кого- или что-либо признаком”: *кровавить, централизовать, наводнить, одомашнить*; “совершать действия, свойственные тому, кто имеет признаки”: *вольничать, умничать, безумствовать*; “приобретать признак”: *светлеть, безуметь*). Однако осложнение прилагательного как во внутрикатегориальных, так и межкатегориальных отношениях лишает его способности транспонироваться в глагольную семантику. Можно отметить лишь единичные примеры подобных проявлений — $СГ_1P_2G_3$: *соль > солить > соловый > солонет*; $СП_1P_2G_3$: *нация > национальный > интернациональный > интернационализировать, рука > подручный > сподручный > сподруничать*. Как показывает материал последних двух словообразовательных цепей, приставочные прилагательные несколько расширяют возможности производного прилагательного.

Таким образом, динамика отсубстантивного прилагательного направлена на модификационные значения во внутриадективном словообразовании (-оват-, -еньк-) и на транспозиционные значения в сфере образования существительных и наречий.

Активность словообразовательных процессов, организуемых отсубстантивным прилагательным, исчерпывается одним шагом, продвижение же на следующий шаг лишает прила-

гательное способности образовать глагол и ограничивает префиксацией внутрикатегориальную деривацию.

Далее, отсубстантивный глагол — единственная часть речи, манифестирующая поступенчатое расширение глагольной семантики на четырех шагах ($СГ_1G_2G_3G_4G_5$: *цена > ценить > оценить > недооценить > недооценивать > недооцениваться*). Наиболее частотные отношения внутриглагольного словообразования отражают движение отсубстантивного глагола через префиксацию — вторичную имперфективацию — постфиксацию ($СГ_1G_2G_3G_4$: *жар > жар-и-ть > выжарить > выжар-ива-ть > выжаривать-ся*). Данная модель занимает в общем объеме глагольных цепей 34,8 %.

Если внутрикатегориальное словообразование существительных и отсубстантивных прилагательных резко снижает деривационные потенциалы данных частей речи, то отсубстантивный глагол организует порождающий процесс на II–IV ступенях, выступая источником для образования глаголов, существительных и прилагательных.

Количественная и качественная реализация именных образований на базе глаголов зависит от степени словопроизводства. Беспрефиксальные и префиксальные глаголы активны в продуцировании существительных мутационных и транспозиционных типов (*пыльщик, мыслитель, пересмешник, холодильник, косилка, грузило, жарено, солилья, перекресток, приспособление*) и прилагательных (*печатный, вычислительный, винтовой, обледеный*). Продвижение глагола по цепи, в отношениях вторичной имперфективации, сокращает весь круг отглагольных образований, которые составляют названия лиц (*проводзгласитель, склеивальщик*), имена действия (*недооценивание*), немногочисленные прилагательные (*испарительный, осветительный*). Таким образом, движение глагольной семантики в цепочечном словообразовании направлено к грамматическим значениям (во внутриглагольном словообразовании) и к транспозиционным значениям (в сфере существительных).

Итак, осуществленная в работе оценка потенциала производных классов — отсубстантивных дериватов — с опорой на различные показатели: квантитативные, “модельные”, остенсивные (графические), семантические — выстраивает части речи в следующем порядке: глагол, существительное, прилагательное, наречие.

В протяженных цепях можно наблюдать вторичное образование частей речи через другую часть речи, которое можно обозначить как явление цепочечной перекатегоризации: $СП_1C_2P_3$: *свет > светлый > светлица > светличный*; $СП_1C_2P_3C_4$: *верх > верхний > поверхность > по-*

верхностный > *поверхностность*; СГ₁П₂Г₃: *соль* > *солить* > *солонный* > *солонеть*; СГ₁С₂Г₃: *смех* > *насмеяться* > *насмешник* > *насмешничать*; СП₁С₂Г₃: *ум* > *умный* > *умник* > *умничать*.

Во вторичном образовании частей речи через ступень может возникать *словообразовательный круг* [14, 150], связанный с использованием одних и тех же суффиксов, например, суффикс -н-: *глаз* > *глаз-н-ой* > *глазница* > *глазнич-н-ый*, суффикс -ов-: *жир* > *жир-ов-ой* > *жировик* > *жировик-ов-ый*. В данных отношениях воспроизводится категориальное значение прилагательного, однако первое и второе прилагательные не тождественны в своих значениях, поскольку выражают отношение к разным по значению предметным именам.

В отношениях последовательной производности фиксируется и более сложное явление, которое получило в лингвистической литературе название *смыслового круга* — явление, связанное не только с вторичным образованием какой-либо части речи, но и с повторением лексического значения в словообразовательной цепи через другую часть речи, к примеру, *частый* — *частота* — *частотный* — *частотность*, *грубый* — *грубить* — *грубиян* — *грубиянить* [16, 74]. Комментируя отношения типа *целый* — *целость* — *целостный*, где прилагательные *целый* и *целостный* “совпадают по лексическому значению”, О. П. Ермакова отмечает важный для дублирования, вернее, повторения значения факт — смысловой круг “возможен тем скорее, чем менее фразеологична семантика промежуточного образования” [6, 46]. В нашем материале отмечаются цепи, фиксирующие пересечение значений через звено (“семантический круг”), например, СП₁С₂П₃: *лицо* > *личный* > *личность* > *личностный*, *цена* > *ценный* > *ценность* > *ценностный*, *свет* > *светлый* > *светлота* > *светлотный*; СП₁С₂П₃С₄: *благо* > *благой* > *благодать* > *благодостный* > *благодостность*, *зло* > *злой* > *злость* > *злостный* > *злостность*, *зло* > *злой* > *злота* > *злостный* > *злостность*, *добро* > *добрый* > *доброта* > *добротный* > *добротность*.

Между тем возникшие через звено слова одной части речи, как правило, не бывают полными синонимами, расходясь в объеме значений, в сочетаемости и/или стилистической маркировке, ср. существительные типа *цена* и *ценность*, *свет* и *светлота*, *зло*, *злота*, *злостность*, *злость*, *злостность*, с одной стороны, и прилагательные *личный* и *личностный*, *ценный* и *ценностный*, *благой* и *благодостный*, *злой*, *злостный*, *злостный*, с другой стороны. Так, в цепи *добро* > *добрый* > *доброта* > *добротный* > *добротность* общность всех членов держится на значении “сделанный хорошо” — значении, периферийном и устаревшем для слов *добрый*, *доброта* (*добрые сапоги*; *добро-*

та бумаги) и основном для слов *добротный*, *добротность*. Соответственно, *добрый* и *добротный*, *доброта* и *добротность* вступают в синонимические отношения лишь в одном значении (ср. *добротные/добрые сапоги*), образуя широкое поле несовпадающих значений.

В цепи *лицо* > *личный* > *личность* > *личностный* существительные *лицо* и *личность* могут иметь лишь отдельные синонимические словосочетания (в значении “индивидуум”): *романтическое лицо* — *романтическая личность*. Прилагательные *личный* и *личностный* (книжн.) имеют разный объем значений и сферу употребления: *личный* — многозначное слово, с широкой сочетаемостью, *личностный* — однозначное (книжн. *относящийся к личности*), неологизм, с узкой сетью отношений с другими словами. Между прилагательными могут возникать и синонимические (*личное* — *личностное отношение к кому-либо*), и паронимические отношения (*личная судьба* “жизнь конкретного человека” и *личностная судьба* “формирование и развитие личности”, *личные связи* “частные отношения” и *личностные связи* “духовные”) [3].

Сквозь призму словообразовательного гнезда и такую его конструктивную единицу, как словообразовательная цепь, объективирующей ступенчатый характер русского словопроизводства, действие деривационного механизма предстает отнюдь не в статике, а в динамике, отражающей полярную направленность в организации словообразовательной подсистемы той или иной части речи. Концентрация значений и форм осуществляется на одном полюсе — на I-II ступени, выхолащивание формального и семантического разнообразия — на противоположном полюсе, а именно — на высоких ступенях. В работе механизма образования вторичных единиц номинации происходит нивелировка различий деривационных возможностей производных слов, представленных упрощенным узлом прогнозируемых отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка / В. В. Бабайцева — М.: “Дрофа”, 2000 — 640 с.
2. Бахтурина Р. В. Значение и образование отыменных глаголов с суффиксом — о-/-и-(ть) // Развитие словообразования современного русского языка / Р. В. Бахтурина — М.: “Наука”, 1966. — С. 74 — 112.
3. Бельчиков Ю. А., Панюшева М. С. Словарь паронимов современного русского языка / Ю. А. Бельчиков, М. С. Панюшева — М.: “Русский язык”, 1994. — 455 с.

4. Бортэ Л. В. Глубина взаимодействия частей речи в современном русском языке / Л. В. Бортэ — Кишинев: "Штиинца", 1979. — 119 с.
5. Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис / Е. Л. Гинзбург — М.: "Наука", 1979. — 264 с.
6. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке / О. П. Ермакова — М.: "Русский язык", 1984. — 152 с.
7. Земская Е. А. О парадигматических отношениях в словообразовании // Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния / Е. А. Земская — М.: "Наука", 1978. — С. 63 — 77.
8. Зубкова Л. Г. Словообразование на перекресте лексического и грамматического // Актуальные проблемы русского словообразования / Л. Г. Зубкова — Елец: ЕГУ, 2001. — С. 38 — 41.
9. Калечиц Е. П. Взаимодействие слов в системе частей речи (межкатегориальные связи) / Е. П. Калечиц — Свердловск: УрГУ, 1990. — 158 с.
10. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон — Л.: "Наука", 1972. — 216 с.
11. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е. С. Кубрякова — М.: "Наука", 1978. — 115 с.
12. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Е. С. Кубрякова — М.: "Наука", 1988. — С. 141 — 172.
13. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова — М.: "Языки славянской культуры", 2004. — 560 с.
14. Кузнецова А. И. Словообразовательный круг в русском языке // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики / А. И. Кузнецова — М.: МГУ, 1973. — С. 14 — 27.
15. Курилович Е. Очерки по лингвистике / Е. Курилович — М.: Изд-во иностр. лит., 1962. — 456 с.
16. Панов М. В. Русский язык // Языки народов СССР. Т. I. Индоевропейские языки / М. В. Панов — М.: "Наука", 1966. — С. 55 — 122.
17. Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия / П. А. Соболева — М.: "Наука", 1980. — 294 с.
18. Тихонов А. Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка / А. Н. Тихонов — Самарканд, 1971. — 387 с.
19. Тихонов П. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. / А. Н. Тихонов — М.: "Русский язык", 1985. — т. I. 856 с.; т. II 886 с.
20. Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И. С. Улуханов — М., 1996. — 221 с.
21. Уфимцева А. А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / А. А. Уфимцева — М.: "Наука", 1988. — С. 108 — 140.
22. Ширшов И. А. Теоретические проблемы гнездования / И. А. Ширшов — М., 1999. — 236 с.
23. Эпштейн М. Предлог "В" как философема. Частотный словарь и основной вопрос философии // Вопросы философии / М. Эпштейн — М., 2003. № 6. — С. 86 — 95.
24. Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования / М. Н. Янценецкая — Томск: ТГУ, 1979. — 242 с.